

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЧУМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ)

Вильгельм Райх

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

У человека, “заключенного в броню”, стремление к генитальному контакту с другим живым существом может быть столь же сильным, как и у человека, который подобной брони лишен. В большинстве случаев оно оказывается даже сильнее, поскольку закованный в броню организм не способен достичь полного удовлетворения. Если Жизнь просто любит, то жизнь, стесненная “броней”, — “трахается”. Жизнь с большой буквы полностью свободна в своих любовных проявлениях, ибо позволяет им, как и всем остальным своим функциям, постепенно развиваться от самого момента зарождения до сияющих вершин, ознаменованных восторгом и радостью свершения; при этом совершенно безразлично, будет ли это развитие дерева от крошечного ростка до той стадии, на которой оно начнет цвести и плодоносить, или же создание и совершенствование философской системы, способной привести к освобождению человечества. Точно так же и любовь истинной Жизни постепенно развивается от первого откровенного взгляда до трепетных объятий, когда партнеры полностью растворяются друг в друге. Важно также, что Жизнь нисколько не спешит завершить дело подобным объятием. Она никогда не торопится, за исключением тех отдельных случаев, когда длительные периоды полного воздержания делают разрядку накопленной жизненной энергии насущно необходимой. Напротив, “бронированный” человек, запертый в темнице собственного закостенелого организма, изо всех сил стремится к соитию. Его ужасный язык достаточно наглядно передает тот спектр эмоций, которые он надеется ощутить, “взяв” ее силой или соблазнив. Для него почти невозможно представить, чтобы мужчина мог сколько-нибудь времени находиться в одной комнате с женщиной без “попытки” “поймать” ее или что женщина может находиться один на один с мужчиной, не опасаясь агрессии с его стороны. Подобное положение дел вызвало к жизни такое унижительное для человеческого достоинства явление, как дуэньи. Следует, однако, отметить, что в наши дни оно постепенно исчезает, поскольку естественная генитальность все больше и больше проникает в сознание людей.

Что касается Жизни, то она вполне способна находиться в одной постели с потенциальным половым партнером и при этом даже не задумываться о соитии, если к этому не ведет естественный ход собы-

тий. Жизнь никогда не начинается с конца, со свершения — она до него дорастает. И, как и во всех остальных областях ее функционирования, это делается от любви и ради любви. Жизнь никогда не пишет книгу просто ради того, чтобы и у нее была своя книга “как у людей”; она никогда не делает своей работы только для того, чтобы отчет о ней попал в утренние газеты — она пишет не “для людей”, а о фактах и процессах. И если Жизнь строит надежный мост, то только для того, чтобы безопасно перебраться через бурный поток, а вовсе не для того, чтобы получить награду на следующем ежегодном конгрессе Инженерного общества.

И точно так же, встретив свою потенциальную пару, Жизнь никогда не начинается с соития. Эта встреча — просто встреча; на первых порах она еще не означает ничего особенного. Партнеры могут тут же снова расстаться; могут пройти рядом несколько шагов и только потом разойтись, но могут и дойти до конца, до полного слияния. Дело в том, что у Жизни нет никакого заранее подготовленного плана относительно того, что произойдет в будущем: она просто не мешает событиям развиваться естественно. Будущее, таким образом, вырастает из непрерывного потока настоящего, которое, в свою очередь, возникает из прошлого. При этом, разумеется, мысли, мечты и надежды Жизни устремлены в будущее; просто в данном случае будущее не определяет настоящего, как происходит в мире “бронированной” жизни. Жизнь, если она развивается свободно, хочет функционировать самостоятельно, а для этого ей необходимо выработать соответствующие навыки. Так, опытный врач или квалифицированный биолог являются носителями некоей суммы знаний и умений, которые развиваются у них естественным образом благодаря исполнению ими определенных операций. Закоснелая, “бронированная” жизнь, напротив, с самого начала мечтает стать знаменитым врачом, модным хирургом, которым все восхищаются и который стремится только к одному — чтобы восторженные статьи о его замечательной клинике как можно чаще появлялись в больших газетах большой страны, что в конечном итоге приведет его к большому деньгам.

Так представляет себе “успех” человек, закованный в “броню”. Пример этот можно как угодно варьировать, прилагая его к великому фюреру нации, к великому народному вождю или же к великому отцу народа великой России, занимающей великую часть суши. Во всех этих случаях основной мотив был и остается неизменным, как неизменной остается тенденция ускорять события, начинать с конца то, что должно было расти органично, естественно. К примеру, исследование раковой патологии, начинавшееся когда-то с попыток разгадать загадку появления раковой клетки, в конце концов уперлось в вирусную теорию рака. Решение же оказалось там, где его меньше всего ожидали найти: оказывается, проблему можно было решить, просто наблюдая за самыми обыкновенными травинками, мокнущими в самой обыкновенной, глупой воде. Напротив, Жизнь никогда не начинает книгу с заглавия и предисловия. Они обычно пишутся в последнюю очередь, поскольку их предназначение — отражать все содержание; но ведь охватить целое до того, как работа будет закончена, невозможно! Точно так же никто не начинает строительство дома с мебелировки — сначала нужно заложить фундамент. Однако прежде, чем начать проектировать его, необходимо общее представление о том, каким бы вы хотели его видеть изнутри.

Все самые сентиментальные мечты о счастливом супружестве начинаются с потери девственности в первую брачную ночь и в конце концов тонут в сточной канаве глубочайшего супружеского несчастья. И снова одетый в “броню” человек не позволяет понять, что брак тоже должен медленно расти от семени к плоду. На то, чтобы вырастить плодоносящее дерево, требуются многие годы. Супружеская *любовь* не имеет ничего общего с *разрешением на брак*. Вместе с тем развитие любви супругов подчинено самым простым законам, и обеспечить его достаточно легко. Само нарастание этого чувства; постоянное ощущение движения вперед; способность взглянуть на партнера по-новому; отыскание новых, как приятных, так и не очень, черт в характере друг друга — все это само по себе приносит величайшее наслаждение. Это чувство не дает вам остановиться, застыть. Оно заставляет вас естественным образом изменяться. Оно помогает вам выглядеть лучше, чем обещает реклама самого модного мыла, и позволяет сохранить способность краснеть, когда это необходимо. Даже на то, чтобы познать вашего партнера телесно, требуются месяцы, иногда — годы. Открывая для себя тело своего возлюбленного или возлюбленной, вы испытываете наслаждение высшего порядка — точно так же, как и когда вы успешно преодолеваете первоначальные трудности, сопровождающие процесс притирки, приспособления друг к другу двух живых организмов. В минуты наивысшего возбуждения он может вести себя недостаточно нежно и осторожно, а она может бояться целиком отдаться непроизвольному, не подозревая, насколько это сладостно. В первое время он может быть слишком “торопливым”, а она — чересчур “холодной” и наоборот. Но именно поиск общего для обоих высшего наслаждения, вызванного полным слиянием двух находящихся в беспрестанном движении энергетических систем, которые мы называем женщиной и мужчиной, — равно как и взаимное, не нуждающееся в словах открытие все новых и новых путей к взаимному обогащению чувственных ощущений и общий, истинно космический трепет — все это доставляет наслаждение, чистое, как вода горного ручья, и изысканное, как запах прекрасного цветка ранним весенним утром. Продолжительный, согревающий душу любовный опыт, постоянный тесный контакт, взаимные уступки и физический восторг — все это и образует крепкую естественную связь, которая неизменно присутствует в каждом браке, взросшем естественным путем. Генитальный контакт представляет собой высший пункт этого постоянного наслаждения, как во время долгого путешествия по горам каждый перевал снова и снова возвращает вас в долины, в ночную мглу и непогоду. И, спускаясь вниз, вы каждый раз знаете, что на самом деле продолжаете двигаться вперед, к новым вершинам, вознесшимся высоко над глубокими, сумрачными горными долинами. Когда же вы достигаете новой вершины, она всякий раз оказывается иной, не похожей на все, что было прежде, поскольку жизнь никогда не бывает одинаковой; так отличаются друг от друга даже два последовательных мгновения одного и того же действия. И вам вовсе не обязательно стремиться быть “наверху”, чтобы любоваться долинами или рассказывать другим, сколько горных вершин вы покорили за прошедшие две недели. Большую часть времени вам хочется просто молчать. Вы продолжаете двигаться вперед и радоваться каждому новому перевалу, который является вам как награда после каждого затяжного подъема. Но и подготовка к восхождению способна доставить та-

кую же радость, как сам подъем, а отдых на вершине так же прекрасен, как и восторг, который вы испытываете, впервые обозревая горный ландшафт или делая свои первые шаги к вершине. И ни во время подготовки к подъему, ни уже выйдя на тропу, вы не спрашиваете себя, сумеете ли вы достичь вершины. Вы не изобретаете никакого специального карманного моторчика, который помог бы вам безопасно преодолеть последние фута. Вы не сдерживаете восторженного крика, который рвется из горла, когда вы ступаете на вершину, но и не испытываете при его приближении никакого особенного волнения. Вы просто проживаете каждый шаг, каждую минуту подъема. В глубине души вы знаете, что взобраться на вершину ничего не стоит, если заранее продумать каждый свой шаг к ней. Вы совершенно уверены в себе, поскольку уже покорили несколько перевалов и хорошо представляете себе, что это такое. Вы никому не позволяете нести себя к вершине и ни минуты не беспокоитесь о том, что подумают или скажут ваши завистливые соседи, когда узнают, чем вы тут занимаетесь. Пусть некоторые из них делают то же, что и вы, в то время как другие только мечтают об этом — вас это не касается, вы оставили их далеко позади.

Полный, естественный контакт подобен такому восхождению. Он мало чем отличается от других жизненных функций — и столь же важных, и второстепенных. И жить в полном смысле слова означает полностью отдаваться любым жизненным проявлениям, пусть это будет работа, беседа с друзьями, воспитание детей, разговор, живопись или что-либо иное.

Генитальный контакт естественным образом вырастает из постепенно развивающегося, всеохватного телесного стремления к слиянию с другим телом. Это ясно видно из наблюдений за птицами, жабами, бабочками, улитками, спаривающимися оленями и другими живыми существами, чья жизнь не стеснена искусственными ограничениями. Завершающий восторг полной энергетической разрядки во время оргазма является непосредственным результатом продолжительного накопления удовольствий низшего порядка. Эти маленькие радости обладают способностью, с одной стороны, доставлять счастье, а с другой, — пробуждать стремление к большему. Но эти маленькие удовольствия не всегда приводят к финальному, высшему блаженству. Так две бабочки, самец и самочка, могут часами играть друг с другом, а потом расстаться, так и не вступив в контакт. Они могут пойти дальше и соединиться, но без проникновения. Но стоит им только объединить свои энергетические системы, и они пойдут в этом деле до конца, не разочаровав друг друга, если только им не помешает энтомолог-энтузиаст или голодная птица. Все дело в том, что специфически генитальному возбуждению обязательно должно предшествовать общее возбуждение всего организма. Оргастическая потенция и возникает именно из этого общего, а не генитального возбуждения. Половые органы — лишь инструмент взаимного проникновения и вступают в действие уже *после* того, как — задолго до финального события — произошло слияние оргонных¹ энергетических полей.

На этой начальной стадии контакт полов носит достаточно спокойный характер. Никто никого не хватает, не давит, не лапает, не подталкивает, не сжимает в объятиях и не щиплет. Каждый из участников заходит настолько далеко, насколько это диктуется ситуацией, — и не

¹ Термин, введенный В. Райхом. Обозначает "универсальную энергию жизни", которая наполняет все вокруг. — Ред.

дальше. Например, мужчина может сильно любить женщину, испытывать к ней самое глубокое влечение, но, даже встречаясь с ней каждый день, он может не пойти дальше теплого дружеского рукопожатия или поцелуя в губы. Когда же генитальный контакт станет для обоих необходимостью, он неизбежно произойдет, ибо в этот момент каждому из партнеров без всяких слов станет ясно, что они готовы шагнуть за рамки привычных отношений. Сама природа позаботится об этом, включив на полную мощность свои чудесные механизмы объединения двух живых существ.

И точно так же, как эти двое позволили своей любви развиваться неторопливо, естественно и настолько далеко, насколько Ей этого хотелось; точно так же, как они узнали о наступлении подходящего момента для совершения решающего шага, — точно так же и их тела будут знать, как им соединиться. Они станут открывать чувства друг друга и черпать в этом процессе ни с чем не сравнимое наслаждение. Они станут исследовать изгибы тел друг друга и определять, насколько — в каждую конкретную минуту — они готовы отдавать; это тоже неизбежно. В конце концов, в свой первый раз они могут ощутить, что их тела готовы дойти до таких-то и таких-то пределов и не дальше. И если их генитальный контакт не вырос самым естественным образом из всего, что предшествовало этой заключительной фазе, они могут отказаться от слияния и расстаться — навсегда или просто на несколько дней. Эта пауза может помочь им “структурировать” свой совместный опыт, освоиться друг с другом, привыкнуть к методу, с помощью которого каждый из них подготавливает себя к еще большим свершениям. И ни малейший намек на диктат, на обладание партнером как вещью, никакая необходимость доказывать свои способности не испортят им удовольствия. Здесь просто нечего “доказывать”, “достигать”, “получать”...

Сладостное слияние двух организмов либо есть, либо его нет. Оно может прийти лишь на несколько мгновений и с такой же легкостью может уйти. Его нельзя вызвать сознательно и нельзя задержать силой. Если оно не задержится само и не начнет расти, никакой контакт не сможет превратиться в генитальное соитие. И если последнее развивается само по себе, без соответствующего ему ощущения нарастающего сладостного единения, то впоследствии партнеры непременно пожалуют об этом обстоятельстве, способном не только омрачить их радость, но и навсегда погубить ее. Таким образом, бережное отношение к высшему и полному наслаждению — лучший способ сохранить способность к саморегуляции в оргономическом совмещении мужского и женского.

Сам оргазм происходит тогда, когда должен произойти, а не когда он или она “хотят” его. Оргазма нельзя “желать” и нельзя “получить”, словно бутылку пива в баре.

Оргазм в своем подлинном биологическом смысле является результатом равномерно нарастающей волны возбуждения; он не есть что-то готовое, что можно получить, если хорошо постараться. Оргазм — это колебание единого энергетического поля, задолго до слияния двух организмов существовавшего как два энергетических поля; больше того, после слияния оно снова разделится, образовав два отдельные существа. В биоэнергетическом смысле оргазм равносителен полной утрате индивидуальности и переходу на новый уровень бытия; он не имеет ничего общего с существовавшим в больших умах людей

что первого, что двадцатого столетий представлением о том, что женщина получает оргазм от мужчины, а мужчина — от женщины. Доказательством этого утверждения может служить тот факт, что подобное “получение” оргазма полностью прекращается после медицинского вмешательства, в то время как подлинное биоэнергетическое слияние не только никуда не пропадает, но и становится еще более интенсивным. И это представляется весьма важным.

Оргазм — событие, которое *происходит* в двух живых организмах; он не есть нечто, к чему следует стремиться и чего “следует достичь”. Он похож на внезапный выброс протоплазмы движущейся амебой. И невозможно “иметь” оргазм с каждым. Трахаться можно с кем угодно, поскольку единственное, чего требует этот процесс, — это достаточно продолжительного трения гениталий о гениталии, способного вызвать выброс семенной жидкости или ощущение зуда. На самом деле оргазм — это нечто большее, нечто совершенно иное в своей основе, чем просто сильный зуд. Его нельзя добиться, царапаясь и кусаясь. Когда мужчина и женщина царапаются и кусаются, они просто стараются любым способом и во что бы то ни стало достичь биоэнергетического контакта. Оргастический контакт случается, и его вовсе не надо “устанавливать”. Все дело в том, что он появляется только в присутствии вполне определенных организмов и отсутствует в большинстве других случаев. Следовательно, он является главным фундаментом настоящей сексуальной этики.

Организм, главной задачей которого является “трахнуть” кого-то, вынужден “стремиться” к оргазму, чтобы “достичь” его. Это приводит к мастурбации или к “занятиям любовью”. Истинно любящий организм может позволить себе с головой окунуться в поток чувств и отдаться течению, оставаясь при этом полновластным хозяином положения, подобно тому, как опытный гребец, сплавляясь по бурной горной реке, продолжает, тем не менее, уверенно управлять своим каноем. Так опытный наездник, сидящий верхом на горячем чистокровном скакуне, может позволить себе задуматься о чем-то постороннем, продолжая полностью контролировать лошадь. Закоснелому же организму приходится прилагать значительные усилия, чтобы достичь оргазма. Это можно сравнить разве что с бегом в мешках, когда человеку приходится прилагать колоссальные усилия, чтобы продвинуться вперед, и все же он не бежит, а ковыляет. К концу дистанции он совершенно выматывается, но на его бег все равно нельзя смотреть без слез.

“Трахающий” сохраняет холодную, трезвую голову на протяжении всего акта (словечко “акт” прекрасно передает сущность происходящего). Он может “кончить”, может “сделать”, “исполнить”, “совершить”, “произвести” это когда угодно и где угодно, словно сорвавшийся с привязи неистовый бык или жеребец, который несколько лет не видел самки. Существуют особая, искусно разработанная система приемов и уловок, предназначенная для того, чтобы привлечь внимание женщины и соблазнить ее. Но жизненная ценность подобной активности невелика; ее можно сравнить разве что с буксировкой неисправного автомобиля, передние колеса которого заброшены на платформу аварийного грузовика.

Внутренний характер и структура любовной функции определяют абсолютно все особенности остальных видов деятельности индивида. Развратник будет рваться в бой, будет получать, добиваться,

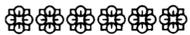
делать выпады и отступать, разрабатывать особую технику, чтобы как можно скорее добиться желаемого. При этом объект его устремлений всегда будет оставаться жертвой того, что с ним или с ней делает партнер. Но личность генитального типа всегда предоставит событиям происходить, идти своим чередом; такой человек активен и полностью отдается тому, что он делает, начиная с любви к женщине или к мужчине и заканчивая своей работой или созданием новой организации .

* * *

Если вы мужчина и вам нравится женщина, вы можете полюбить ее всей силой чувств, желая раствориться в ней, как установлено Богом. Как сдерживать поток любви? Христос, согласно свидетельству его апостолов, был против прелюбодеяния; но говорил ли он, что желать жену ближнего своего даже в помыслении — это смертный грех? Сколько вложено в уста Христа его рассказчиками такого, что он не имел в виду!

Можно с долей уверенности сложить воедино согласующиеся друг с другом черты характера, отбросив несовместимые с ними. Вполне возможно, что человек, в котором есть дух и есть любовь, делает женщин счастливыми, но он против прелюбодеяния; в особенности если этому человеку знакомы обычная жизнь обычных мужчин и женщин. Однако кажется невозможным, чтобы человек с жарким телом и здравым рассудком, который всегда делал женщин — юных, желанных женщин вокруг него — счастливыми, принялся проповедовать аскетизм или ограничивать любовь только супружеской, в его время не существовавшей в той форме, что появилась в последующие столетия, называемые его именем. Где берет начало яростная, безжалостная битва против “плотского греха”? Что означает эта жестокость — жестокость, с которой карается именно этот грех на протяжении веков? Почему история непорочного рождения Христа никогда не упоминается ни самим Христом, ни его апостолами в Четвероевангелии?

Осуждение плоти в католических догматах возникает в истории христианской церкви позже. Впервые оно упоминается у Павла, который создает всемирную империю христианства, выводя его из узкой сферы существования в качестве иудейской секты. И строгий аскетизм священников появился не ранее, чем через четыре столетия после смерти Христа. Христос ни разу не упоминает об аскетизме, и мы не можем, исходя из того, что мы слышим от четырех рассказчиков о Христе, вообразить его призывающим себя самого и своих последователей воздержаться от генитальных контактов. Нет указаний на то, что он жил, воздерживаясь от женщин, которых знал, — на это нет указаний во всей его жизни. Аскетизм не соответствует образу мужчины, молодого, сильного, привлекательного, желанного и окруженного юными, здоровыми женщинами, имеющего дело с грешниками, мытарями и продажными женщинами, знающего, как он знал, жизнь бедняков, плотника по ремеслу. Это не соответствует его образу, если он почитался Богом в павлианском мире, так много почерпнувшем из греческой религии: боги в греческом мире никогда не изображались склонными к воздержанию. И более позднее неистовое презрение Павла направлено против “плоти”, то есть грязного секса, но не про-

тив секса естественного, то есть “тела”. Но это различие полностью исчезает в папской церкви.

Почему в таком случае проклятие сексуального желания так сурово и по сей день составляет суть всего католического мира?

Мы должны, в соответствии с тем, что известно человеку о путях любви, как в животном, так и в его собственном мире, допустить, что христиане, начиная с Павла, при создании своей империи обнаружили порнографическую структуру людей в целом. Эта структура, не зная другой любви, кроме грязной, искаженной, нечистой, завладела религией любви, чтобы оправдать собственную похотливую грязь.

То же самое повторилось, когда функция оргастической судороги живой протоплазмы была, наконец, открыта в XX веке. Естественная любовь и естественное право на жизнь были присвоены извращенным духом и заторможенными желаниями одетого в “броню” человека и стали служить его порочным нуждам. Нет способа отделить богоподобное от дьявольского при начале потока любви. Так происходит потому, что дьявольское это всего лишь извращенное богоподобное. Следовательно, поначалу дьявольское трудно отличить от божественного, оно часто проскальзывает, представляясь истинной любовью. Под конец эти два образа бытия нельзя и сравнить, они исключают друг друга. Но вначале, у истоков любви, различие незаметно.

Нет ничего легче, чем создать религию вседозволенного совокупления из учения о любви, которое включает в себя и естественный генитальный контакт. И нет большего несчастья, могущего постигнуть человечество, чем развитие такой бордельной религии из проповеди любви, включающей генитальный контакт. Любой основатель такого движения окажется перед необходимостью сделать, прежде всего остального, одну вещь: любыми способами усмирить распространяющийся подобно эпидемии порнографический потоп вседозволенного совокупления. Это должно быть сделано в любой стране, в любое историческое время и на любом историческом фоне, поскольку генитальный акт животных, включая и человека, представляет собой биоэнергетическую функцию и клапан самой жизненной энергии. Любой вид возбуждения живого организма требует нарастания внутреннего давления и снижения естественного сопротивления механизма клапана. Во время таких потрясений, как войны, голод, наводнения и другие страшные бедствия, и во время великих идеологических революций, таких как рождение новой религии, внутреннее давление Жизни должно возрасти в миллион раз.

В естественных условиях и при наличии биологической структуры, способной к гармонии и удовлетворению, которые на время ослабляют побуждение и несут самоуспокоение, опасность для личности или для сообщества невелика. Время от времени кто-то может переусердствовать, но это не принесет большого вреда.

В случае, когда живые существа неспособны к удовлетворению, ситуация в корне меняется. Возбуждение биосистемы и возрастание внутреннего давления не приносят разрядки и удовлетворения и, таким образом, не успокаивают, а неизбежно ведут к еще большему нарастанию внутреннего давления, не имеющего выхода. Клапаны, которые должны были бы дать потоку выход, закрыты, и все преграды будут просто взорваны. Можно не сомневаться, что такие периоды вседозволенности совокупления, которые мы иногда наблюдаем во

время войн, могут затопить любой след человеческого существования, **не принося никому никакого счастья или удовлетворения.** Когда новая христианская вера вышла за пределы своего первоначального ареала и начала распространяться на новые территории, где прежде господствовало язычество, древние языческие культы фаллоса и плодородия оказались как бы перелиты “в новые мехи”, угрожая сокрушить самые основы религии **любви Христа.** Без суровой борьбы против развития религии совокупления у множества людей, присоединившихся к церкви, христианская вера не могла преуспеть в утверждении своей основной заповеди — Любви Человека к Человеку; она была бы смыта хаосом беспорядочного совокупления, безлюбим, полным ненависти, грязным, свинским, жестоким, безрассудным трением холодных пенисов о стенки сухих влагалищ, за которым следует отвращение, угрызения совести, ненависть, презрение к партнеру, — мужчине или женщине, — и его убийство.

Не имеет значения, осознавали ли основатели христианской империи природу этой опасности. Можно, однако, с уверенностью сказать, что они должны были чувствовать эту опасность, наряду с личным отвращением к полному осуществлению естественной любви. На закате правления Рима они не могли не видеть и не чувствовать, что поток грязи и безлюбые объятия разрушают человеческие жизни. И они были вынуждены стать строже. Начинания Павла по этому поводу совершенно безошибочны. В XX веке, вскоре после того, как Русская революция открыла шлюзы любви, были установлены по тем же самым причинам новые, более жесткие ограничения.

Павел, разумеется, не представлял себе отчетливо противоречивую природу того, что он называл “телом” и “плотью”. *“Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?” (1 Кор.6:15).* Это совершенно истинно при осмыслении Христа как любви к Богу и тела как члена этой любви. *“...Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела” (1 Кор.6:18).* Современные врачи-оргономисты должны полностью согласиться с этим утверждением, если тело понимается как исполнитель полной естественной любви. Мужчина или женщина со способностью к истинной генитальной любви будут страдать после отвратительного, пустого, омерзительного акта, представляющего собой трение холодного пениса о сухие стенки влагалища. Он или она будут ощущать это как позор, как грязь на своих чистых членах. Если бы Павел имел ли в виду это, он был бы абсолютно прав. Но у нас есть основания сомневаться в этом.

Перевод с английского
В.С. КУЛАГИНОЙ-ЯРЦЕВОЙ

Перевод выполнен по изданию: Wilhelm Reich. The Emotional Plague of Mankind. N.-Y.: Orgon Institute Press, 1953.